
Черный котенок
Привидения на цыпочках
Валерий Гусев

Дети Шерлока Холмса

Валерий Гусев

Привидения на цыпочках

«Эксмо»
2007

Гусев В. Б.

Привидения на цыпочках / В. Б. Гусев — «Эксмо», 2007 — (Дети Шерлока Холмса)

ISBN 978-5-699-20007-8

Вот так подарочек к первому сентября – на месте школьного стадиона возводят здание какой-то фирмы «Кис-кис»! Этим недовольны все – директор школы, ребята, их родители. На территории стройки действуют таинственные и непримиримые мстители, которые что есть силы вредят гнусному «Кис-кису». Но все напрасно – предводитель подозрительной фирмы некто Кошкинд неуязвим и всесилен. Да кто же он такой? – теряет терпение великий сыщик Алешка Оболенский. И, чтобы избавить школу от этого кошмара, начинает расследование хитроумной деятельности гнусного Кошкинда…

ISBN 978-5-699-20007-8

© Гусев В. Б., 2007
© Эксмо, 2007

Содержание

Глава I 5
Глава II 10
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Валерий Гусев
Привидения на цыпочках

Глава I
Первый звонок

Конечно, врать не буду, учиться мне здорово надоедает. Особенно к весне. Но вот почему-то к осени снова тянет в школу.

– Это понятно – привычная среда обитания, – объяснил папа. – Лягушки тоже возвращаются в свое родное болото.

А мама задумчиво добавила:

– Человека всегда тянет туда, где он был счастлив.

На что Алешка так вытаращил глаза, что мне стало за них страшно, – показалось, они сейчас от изумления так и поскачут синими шариками по всей кухне. Наконец он пришел в себя и уточнил с негодованием:

– Когда это я там был счастлив?

– Всякий раз, когда тебя временно исключали за примерное поведение, – напомнил папа.

– И в прошлом году, – напомнила мама, – когда ты влюбился в Леночку Стрельцову из второго «Б».

– Это она в меня влюбилась, – насупился Алешка. – Бегала за мной, как стрекоза.

– Интересно было бы взглянуть, – сказал папа. – Ни разу не видел, как стрекоза бегает.

– Наверное, как заяц летает, – улыбнулась мама. – Только немного изящнее.

И почему у мамы с папой всегда такое хорошее настроение накануне первого сентября? Небось, когда у них отпуск кончается, они не летают от радости, как зайцы. И не бегают, как стрекозы. А тут рады до невозможности. Наверное, потому что испытывают некоторое облегчение, когда передают нас (хоть и на время) в другие руки. В добрые руки строгих педагогов. Которые нас не только учат, но и воспитывают. И перевоспитывают.

Хотя, по правде говоря, я немного все-таки по школе соскучился. И еще, по правде говоря, первое сентября все-таки праздник.

Вся школа собирается на стадионе, и он становится похож на громадную цветочную клумбу. Мы радостно галдим, родители сияют, учителя кажутся такими родными и близкими! Из динамика над школьным крыльцом все время звучит музыка. Про всякие школьные вальсы и счастливые школьные годы.

Наш директор, Семен Михалыч, полковник в отставке, бывший бравый командир гвардейского полка, подкручивает свои лихие усы и дает отмашку – динамик замолкает, а полковник начинает говорить приветственную речь.

Он говорит много торжественных слов и наивно выражает уверенность, что уж в этом-то году мы не обманем ожиданий наших прекрасных педагогов и наших славных родителей, что уж в этом-то году мы будем настойчиво повышать свою личную дисциплину и общую боеспособность нашей школы… Тут он немного сбивается и заменяет «боеспособность» на «процент успеваемости»:

– Приказываю: повышать процент успеваемости более энергично, чем в прошлом и, уж тем более, чем в позапрошлом году. Вольно!

После полковника так же радостно и торжественно выступают его «офицеры» – педсовет и начальник штаба… то есть председатель родительского комитета в лице мамаши Прошкина.

Так председательницу прозвали в школе уже давно. Она, когда первый раз у нас появилась, так и представилась: «Я мамаша Вити Прошкина». Ну и осталась мамашей.

С ответным словом басит в микрофон Серега Никишов, наш доверенный представитель в совете школы. Он с озорной улыбкой нахально врет, что все мы полны желания учиться лучше, чем в прошлом году, и, конечно, еще лучше, чем в позапрошлом. А заодно и намного лучше, чем в будущем. Кто понял, тот смеется.

Потом на плечи Никишову – он у нас самый рослый старшеклассник – сажают самую мелкую первоклашку, с бантом на голове, и она в восторге трезвонит на весь район символическим звонком на деревянной ручке. И она будет так трезвонить, пока у нее не устанет рука и, опустившись, не ахнет Никишова тяжелым медным колоколом по макушке. И вовсе не символически.

Полковник дает команду: «Разойдись!» – и мы все, разбившись по классам, послушно тянемся в школьные двери. Некоторые родители не могут сдержать слез умиления, а некоторые первоклашки откровенно ревут от страха во все горло и цепляются в отчаянии за родителей, будто понимают, какое суровое десятилетие ждет их впереди, с этого самого первого, счастливого дня. Динамик снова выдает школьные вальсы, где весьма заманчиво звучат слова: «Давно, друзья веселые, простились мы со школою…»

Мы бурными ручейками разливаемся по своим классам, и долгое время наши учителя не могут начать первый в этом учебном году урок. У всех нас, да и у них тоже, столько накопившихся новостей, столько впечатлений за лето, что настроиться на серьезный лад очень сложно. Да никто особенно и не старается. Первый учебный день – самый легкий и приятный, без оценок и замечаний. И мы еще долго не можем разойтись после уроков. Тусуемся в школе, возле школы, на стадионе.

Кстати сказать, наш стадион – это наша законная гордость. Его начали в свое время строить наши родители, а мы довели до совершенства своими руками. У нас там и футбольное поле, и две площадки – волейбольная и для баскета, – и всякие турники, брусья и шведские стенки. А года два назад мы, под суровой командой полковника, обсадили все вокруг молоденькими липами, каштанами и березами. И они шумят листвой и радуют глаз свежей зеленью.

Наш стадион приобрел всемирную… то есть всерайонную известность. Все соревнования между школами проходят на нашем стадионе. Им вообще пользуется для здоровья и бодрости все наше население – от самых маленьких (еще в колясках) до самых стареньких, которые по утрам вовсю трусят от инфаркта по гаревой дорожке, овалом обегающей зеленое футбольное поле. А зимой здесь сама собой прокладывается хорошая лыжня. И вырастает снежная горка.

У нас даже есть специальная дежурная команда, которая каждый день следит за чистотой и порядком на стадионе…

Но сразу скажу: в этот раз первого сентября все было не так. Родная школа встретила нас не очень-то приветливо…

Торжественное построение, посвященное началу учебного года (с цветами и родителями), прошло совсем не празднично. Не на нашем школьном стадионе, под сенью лип и желтеющих берез, а на узком заднем дворе, где была когда-то хоккейная коробка, которую наши местные бомжи разобрали для постройки своих хижин в соседнем парке.

А наш любимый стадион почему-то оказался огражденным высоким сетчатым забором. А за забором, на футбольном поле, зияли рыжие траншеи, на баскетбольной площадке грудились стопочками бетонные блоки и сваи, яма для прыжков скрылась под штабелем досок. А на сетчатых воротах висела большая фанерная табличка: «Родители! Не позволяйте детям играть на стройплощадке!» И был нарисован кран с грузом, который вот-вот оборвется и тяжело рухнет на землю.

Вот так! Даже не смешно. Оказывается, наш стадион – это не стадион вовсе, а стройплощадка. На которой детям играть категорически запрещено. Особенно – заниматься спортом.

Вот тебе и первый звонок!

Цветы, конечно, были. Были еще и улыбки и смех, но торжественного настроения фактически не было. Была общая толпа, в которой перемешались все классы и все родители. А чуть в сторонке тусовался педсостав с расстроенными и, мне даже показалось, виноватыми лицами.

Наш полковой директор выглядел так, будто проиграл решающее сражение. Причем проиграл, имея превосходство в живой силе и технике. И как он ни подкручивал свои усы, вернуть им былую лихость ему никак не удавалось.

Он традиционно поздравил нас, учителей и родителей, хмуро выслушал настороженные аплодисменты и еще более хмуро объяснил:

– Мы боролись! Мы все лето отстаивали нашу законную территорию. Это стоило нам новых седых волос и бессонных ночей…

– Можно подумать, – шепнул мне Алешка, – что они по ночам боролись. Со своими седыми волосами.

– И нам твердо обещали, – продолжил директор, – что уже в этом учебном году эта же строительная фирма возведет в парке все необходимые спортивные площадки.

– И два бассейна, – шепнул мне Алешка. – Один – с морской водой, а другой – с ключевой. И бомжи там будут свои пиджаки стирать.

– Оболенский-младший! – громыхнул директор. У него очень хороший слух. Когда не надо. – А у тебя все равно двойка по физкультуре!

– Теперь две будут, – пробормотал Алешка. И поднял руку, как в классе: – А что они тут будут строить? Может, казино?

Откуда-то из толпы учителей ринулась Алешке на помощь Любаша, его учителка. Крохотная такая, но решительная. И уже на ходу она звонко за него заступилась:

– Он шутит, Семен Михалыч! Он в казино не ходит!

Я вовремя дернул Алешку за руку и сунул ему под нос кулак. Он усмехнулся: мол, ладно уж, промолчу.

– Отвечаю, – продолжил директор. – Здесь будет построено административное здание совместного предприятия по производству чипсов и чупсов.

Он, наверное, ждал, что сейчас в ответ на эту новость грянут аплодисменты. От фанатов чипсов и чупсов. Но похлопал только Алешка. С ехидной усмешкой на устах.

И тут взорвались все наши нарядные родители. Они подняли такой гвалт, что с соседних деревьев сорвались любопытные галки и скрылись в парке. И сразу стало ясно – все они (родители, а не галки) учились в этой школе. И она им дорога не только как память о счастливом детстве, но и как надежда, что и у их детей детство будет складываться не менее счастливо. В том числе – и на стадионе. Спортивное детство.

– Безобразие!

– Отобрали у детей стадион!

– Нашим бедным детям и так выйти некуда, одни ракушки и машины кругом!

– Семен Михалыч, вы же офицер! Как вы допустили?

И все в том же духе. И немедленно прошлогодний родительский комитет под руководством мамаши Прошкина решил написать коллективное письмо президенту.

Директор терпеливо переждал взрыв возмущения и заверил родителей, что борьба еще не окончена, что у педсовета есть боевые резервы и что все они будут пущены в ход. Вплоть до тяжелой артиллерии.

Отыскав взглядом Никишова, он подманил его кивком и усадил ему на плечо заранее подготовленную первоклашку с громадным белым бантом на макушке. Она брякнула Ники-

шова колокольчиком по голове, и мы нестройными колоннами, а вернее – толпой, потянулись в школу.

В общем, первый учебный день был сплошным митингом. Митинговали в классах, на переменках, в учительской. Все бушевало, бурлило, возмущалось, грозило и немного успокоилось только к третьему уроку.

Третьим уроком у нас была литература. Бонифаций сказал, что очень рад нас видеть, что соскучился без наших приколов и что в этом учебном году он будет еще более строг и требователен.

Бонифация мы любили. Он был добрый и справедливый человек. Очень вежливый, но ехидный. Он мог вместо заслуженной «двойки» обойтись одним подзатыльником. Бонифацием его прозвали очень давно. Может быть, еще наши родители, когда были его непослушными и любимыми учениками. На голове у него была грива волос в мелких кудряшках, как у известного льва из мультфильма, и он носил свитер почти до колен. Ну и любил детей. А также литературу. Не знаю, кого (что) больше.

– Итак, – сказал он, потирая руки от предстоящего удовольствия, – начало традиционное: все пишем краткое сочинение на тему: «Как я провел лето». Пишем не только коротко, но и ясно. Орфография и пунктуация пусть вас не тревожат, – тут же успокоил нас он. – Мне нужно знать, насколько вы поумнели или поглупели за лето и как в зависимости от этого строить предстоящий учебный процесс и наши отношения. Начали! – хлопок в ладоши. – Тишина в студии!

За лето, конечно, никто не умнеет. Бонифаций знал это не хуже нас. Он просто хотел отвлечь нас от неприятностей со стадионом. И чтобы мы, вспоминая прошедшее лето, наполнились положительными эмоциями.

Но ему это не удалось. Почти весь класс единодушно сдул сочинение у Сереги Никишова, нашего местного «авторитета».

Он написал коротко и ясно: «Минувшее лето тянулось для меня очень долго. Я с нетерпением ждал, когда вернусь в родную школу и рано утром пробегу десяток кругов по стадиону, сто раз подтянусь на турнике, покидаю мяч в корзину и даже попрыгаю в длину и высоту. А потом отдохну под сенью лип, которые я сажал и поливал собственными руками.

Не вышло! Какое разочарование! И какое коварство! Но ничего – каждый получит свое. Один за всех и все за одного! Граф де ля Фер (кликуха Атос)».

Андрюха Сельянов и Юрашка Козлов подписались соответственно – Портос и Арамис.

В этом нет ничего удивительного. Где-то с пятого класса их называют мушкетерами. Из-за крепкой дружбы, а еще из-за того, что они все время с кем-то борются. Причем иногда очень коварными методами. Не только шпагами, но и булавками…

Из школы мы с Алешкой возвращались вместе.

– Ну вот, – проворчал он, – началось…

– Что началось?

– Учеба всякая. Вернулись лягушки в родное болото. А в болоте – крокодил.

– Уже схлопотал? – догадался я. – Первая пара в новом учебном году?

Алешка кивнул.

– За что?

– Ни за что. За русский. Любаша сказала, что у меня в прошлом году было плохо с шипящими.

– И что?

– Говорит: придумай предложение с шипящими. Я и придумал: «Подушка упала с тахты и разбилась». То есть расшиблась. Хорошее предложение, нет, что ли?

Хорошее, ничего не скажешь. И подушка хорошая. Главное дело – редкая.

– Слушай, Дим… – Алешка уже перескочил на то, что в самом деле его волновало. Не о двойках же разговаривать. За три года он набрал их больше, чем старший брат за девять. Как ты думаешь: что такое справедливость? Она вообще есть, или ее люди придумали? Как сказки. Чтобы не очень грустно было жить.

Не знаю, поумнел ли я за лето (вряд ли), а вот то, что Алешка не поглупел, точно.

– Я еще об этом не думал, – признался я. – Но заметил, что справедливость гораздо реже бывает, чем несправедливость.

– Да! – горячо согласился Алешка. – Ну за что она мне двойку поставила? Надо было написать «падушка», что ли? – Но волновала его вовсе не «разбитая падушка». И не первая «двойка». – Знаешь, Дим, я догадался, почему несправедливость случается чаще, чем справедливость. Потому что за справедливость надо бороться! А кому это охота? А несправедливость никакого труда не стоит.

Я после слов брата даже приотстал от него немного – растерялся. А Лешка шел как ни в чем не бывало – поддавал ногой пустую пивную банку и глубоко размышлял о мировых проблемах добра и зла, справедливости и несправедливости. Худенький такой, хохолок на макушке, ранец с первой двойкой за спиной, беззащитный (на первый взгляд) борец за справедливость.

Встречная тетенька из соседнего дома с болонкой на руках сердито посмотрела на него и сделала замечание:

– Не греми своей банкой на весь квартал. Мусю напугаешь.

Я взглянул на ту Мусю. Похоже, что на руках у хозяйки такую Мусю только танком испугаешь. Да и хозяйка хороша – знает, кому можно без опаски сделать замечание, а кого лучше сторонкой обойти.

– Банка вовсе не его, – сказал я. – Он у меня ее отобрал. Это наш местный хулиган. Его тут каждая собака знает.

Что правда, то правда. В нашем микрорайоне все собаки – и домашние, и бродячие – Алешку обожают. Вот за что только? Он особенно их и не подкармливает, хотя всегда в кармане для них какой-нибудь кусочек найдется. И не сюсюкает он с ними, разговаривает по-человечески. Без всяких там команд: «рядом», «сидеть» и прочее. Он просто скажет: «Джек, посиди рядышком, что-то мне грустно». И громадный Джек – гроза всех собак района – сядет рядом, уставится на него преданными глазами и – раз уж Алешке грустно – положит ему на колено либо громадную лапу, либо огромную ушастую башку.

Трудно объяснить, почему они – все животные, от улитки до ежика – обожают Алешку. Наверное, чувствуют, что он борец за справедливость. А уж кому-кому, а нашим животным такие борцы жизненно необходимы.

И даже сердитая хозяйка Муси поняла, что если Алешка вдруг улыбнется ее болоночке, та тут же, без раздумий, вырвется из ее рук, соскочит на землю и заковыляет за Алешкой на своих коротеньких лапках хоть на край света.

Алешка подмигнул Мусе – она было дернулась, – но Лешка остановил ее взглядом и обратился не к ней, а ко мне:

– Надо, Дим, папу к стадиону привлекать. Он у нас всю жизнь за справедливое возмездие борется в своей милиции. Пусть уж и в нашем районе поборется. А мы ему поможем.

И он вдруг подобрал банку и отнес ее в мусорный контейнер – борьба за справедливость начинается с мелочей.

Глава II
«Щитавот на верблюди»

– Как прошел день? – спросил папа за ужином. – Есть достижения?

– Есть, – сказал я, – но не у нас.

И мы рассказали папе историю со строительством на нашем стадионе.

Папа нахмурился.

– Безобразие, – сказал он. – А что вы на меня так смотрите? Я ничем тут помочь не могу. Это не дело милиции.

– Интересно… – сквозь зубы процедил Алешка. – Какие-то взрослые люди круто обижают целую тыщу маленьких детей, а милиция стоит в сторонке!

– Да, отец, – напала на него и мама. – Ты бы мог поговорить со своим министром.

– Он ведь неглупый человек, – поддержал ее Алешка.

– Кто сказал? – удивился папа.

– Ты. По телефону. Я сам слышал.

– Выражайся точнее: подслушал!

– Пап, какая разница! – сказал я.

В общем, мы дружно навалились на него, и папа сдался:

– Обещать могу только одно: доложу министру. Если он даст добро, проведем проверку. И если разрешение на строительство получено незаконно, примем меры.

– А если законно? – спросил Алешка. – Тогда не примете?

– Тогда не примем, – кивнул папа и ушел в свой кабинет.

– Тогда мы сами примем, – пробормотал ему вслед Алешка.

А мама шутливо подергала его за ухо. А надо бы всерьез.

Через несколько дней папа сказал за ужином:

– Я свое обещание выполнил. Стройка ведется на законном основании. В городе не хватает свободных земель для его развития. Когда нашей школе отводили место, ситуация была проще. Сейчас она осложнилась. Каждый метр земли стоит огромных денег…

– Отец, – прервала его мама, – ты покороче.

– Их же надо убедить! В районе принято решение строить это здание. И его будут строить. А одновременно в парке для вас и вообще для всех будет создан спортивный комплекс. Это даже лучше, чем среди домов и машин. Там, в самом центре, есть подходящая полянка…

– Бомжиная, – перебил папу на этот раз Алешка.

– Почему так? – спросила мама.

– А там раньше бездомные люди жили со своими собаками. Они там целый город построили.

– Собаки? – удивилась мама. – Надо же!

А удивляться тут нечего. В нашем парке, в самой его серединочке, одно время жили бездомные люди. Целая деревня. Они там себе настроили палатки из пленки и что-то вроде хижин из всякого хлама. Обосновались, в общем. А потом к ним потянулись бродячие собаки и очень хорошо там прижились. И охраняли это поселение так, что попробуй сунься. Никто и не совался. Только гуляющие по окраинам парка пенсионеры и молодые мамаши с колясками опасливо посматривали на дымки от костров и тревожно прислушивались к лаю собак.

Ну, потом их всех оттуда выселили. Сначала приехали собачники и отловили всех собак, а потом милиция забрала всех бомжей и отвезла в приют для бездомных. А их покинутый лагерь так и остался на полянке в центре парка. Полянка до сих пор носит имя Бомжиной.

– В общем, – подвел итог папа, – нарушений нет и возражений быть не может.

– Надо же! – ехидно выдал Алешка. – А кто-то говорил, что задача милиции – борьба за справедливость. Дим, ты не помнишь: кто? Не твой папа случайно?

– И твой тоже, – ехидно усмехнулся и я. – И мамин муж.

– Нельзя так с отцом разговаривать! – Маме стало жалко своего мужа. Он так устает на работе…

– Он там за справедливость борется, – проворчал Алешка.

Позже выяснилось, что мы напрасно нападали на папу. Они со своим министром даже обращались в правительство Москвы. Но там им вежливо намекнули, что каждое ведомство должно заниматься своими делами и не вмешиваться в чужие. Строительство ведется в соответствии с нормами, разрешение на него получено на законных основаниях.

И оно шло, это строительство. Прямо за окнами нашей школы. Приехали два автокрана, грузовик притащил жилой вагончик, где поселились смуглые узкоглазые строители. Стали вовсю копать ямы для фундамента и завозить стройматериалы.

И стал сюда часто приезжать застройщик – будущий владелец здания и глава фирмы под смешным названием «Кис-кис». Этот застройщик приезжал на большой черной машине с водителем и охранником. Водитель и охранник стояли за его спиной и внимательно, не поворачивая головы, а только зыркая глазами, осматривали все кругом. Особенно – окна нашей школы, будто оттуда какой-нибудь малолетний злодей мог ахнуть из рогатки. Или из гранатомета.

А застройщик горячо обсуждал с прорабом разные производственные вопросы. Он все время спорил с ним и часто приговаривал: «А вот у нас, в Англии…»

Алешка почему-то проявлял к этому господину повышенный интерес. Наверное, потому, что и сам побывал в Англии. Целых два дня. Когда приезжал туда как победитель конкурса «Юный Шерлок Холмс». Так что уж Лешка-то точно знал, «как там у нас, в Англии». И он очень внимательно прислушивался к разговору. А один раз, когда застройщик важно шагал к машине, Лешка даже что-то спросил у него по-английски. Это меня страшно удивило: Алешка довольно свободно владел английским, но в пределах «фейсом об тейбл» и «фул» (дурак, по-нашему). Но мне показалось, что английский застройщик владеет английским языком еще хуже: он совершенно не среагировал на Алешкино обращение. Но, может, тому была и другая причина – шибко он был важный. И прораб уважительно называл его господин Кошкинд. Такая, значит, у него русская фамилия с английским акцентом.

И вот в один прекрасный день (как раз была первая переменка, и мы всей школой высыпали на школьный двор) подъезжает мистер Кошкинд, а на воротах, рядом с табличкой о детях и родителях (и кранах с грузами) трепещет на утреннем ветерке большой плакат, на котором красным маркером намалевано: «Вы все дураки!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.